

Кулик А.В. (2002). Онтологические аспекты философии Ж. Бодрийяра. *Філософія і соціологія в контексті сучасної культури*. Дніпропетровськ: РВВ ДНУ. С. 58-67.

А.В. Кулик

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ЖАНА БОДРИЙЯРА

Автором статьи рассматривается онтологическое содержание таких используемых Ж. Бодрийяром понятий как симуляция, соблазн, симулякр и др. Также предпринимается попытка их систематизации.

Основание для скорее недоступного сознанию, чем постижимого состояния универсума Бодрийяр видит в существовании подобий. По причине их присутствия, автором "вселенная истолковывается ... в терминах игры, вызова, агонистических дуальных отношений и стратегии видимостей: в терминах оболыщения и соблазнительной обратимости взамен структуры и различительных оппозиций" [3, с. 35]. У мыслителя эту "игровую вселенную характеризует игра моделей, их подвижная комбинаторика, там все приобретает эффект возможной симуляции и все ... способно сыграть роль альтернативной, переменной очевидности" [3, с. 271].

Происхождение симулякров автор описывает, цитируя Платона, который упоминал, что на месте пересечения света, исходящего от объекта и от взгляда возникает подобие. Ж. Бодрийяр подчеркивает, что этот метафорический свет, "являющийся самым воображением подобия, его мыслью" [6, с. 177] эманурует не от одного, но от двух различных, хотя и совместных источников. Также для появления подобий необходимо время: "для того, чтобы быть подобием, должен быть момент становления" [6, с. 175-176]. Как только вышеназванные условия соблюдены, ничто уже не может остановить "машинальное наводнение подобиями, бесконечную их последовательность" [6, с. 175], и этот процесс будет охватывать любое взаимодействие.

Разделённость существующих в универсуме сил на два действующих начала и привели, согласно бодрийяровой онтологии, к такому состоянию вещей. Автор пишет, что "если божественное призвание всех вещей – обрести некий смысл, найти структуру, в которой их смысл основывается, ими столь же несомненно движет и дьявольская

ностальгия, подталкивая к растворению в видимостях, в оболыщении собственного образа или отражения, т.е. к воссоединению того, что должно оставаться разделенным, в едином эффekte смерти и оболыщения" [3, с. 127].

"Соблазн" - именно такое понятие использует Бодрийяр для описания вышеназванной "дьявольской ностальгии". Содержание этого термина проясняется в следующих цитатах:

- "Соблазн всегда относится к строю искусственности, строю знака и ритуала" [3, с. 26].

- "Соблазн точно не относится к строю реального. Он никогда не принадлежал к строю силы или силовых отношений. Но как раз поэтому он обволакивает весь реальный процесс ... этой непрерывной обратимостью и дезаккумуляцией, без которых не было бы реального" [3, с. 97].

Тяготение двух названных начал друг к другу не вызывает сомнений у Бодрийяра. И божественная "реальность" и дьявольский "соблазн" в онтологии автора неразрывно связаны – без соблазна не мыслится существование реального, без реального негде было бы зародиться соблазну. Они взаимосвязаны и не могут не взаимодействовать на всем протяжении своего существования, во всех своих проявлениях. Впрочем, хотя это и стороны одного процесса – бытия, но все же стороны противоположные. Реальное – суть олицетворение претерпевания, то есть пассивности, а "непрестанная" активность разрушения и постоянного воспроизводства всецело принадлежит соблазну. Последний – это антоним подлинности, изначальности, он вторичен и потому "искусственен", то, что "его рук дело" - не более чем производное от реального.

Умирание является одним из главнейших результатов присутствия соблазна. Как пишет Бодрийяр: "дьявольская ностальгия влечет за своим осуществлением единый эффект смерти и оболыщения", ведь "соблазн – это ... смертельный процесс" [3, с.97].

Формулировка "смерть как "реального" используется Бодрийяром для описания извращения вещами своего внутреннего содержания, того смысла, который изначально они несли: "Совращенный дискурс лишается своего смысла и отклоняется от своей истины... При совращении некоторым образом явное, дискурс в наиболее "поверхностном" своем аспекте, обращается на глубинный распо-

рядок (сознательный или бессознательный), чтобы аннулировать его, подменив чарами и ловушками видимостей" [3, с. 105-106].

Химера – именно таким словом можно обозначить порождение соблазна. Глубинный смысл, истинное предназначение и содержание вещи подменяется поверхностным, упрощенным квази-смыслом ее подобия. Изменение содержания же реального неизменно влечет изменение и формы его бытия. Так как подлинный смысл мертв ("единный эффект смерти и оболъщения" [3, с.127]), то нельзя называть реальное живым другим смыслом, нет, оно мертво как реальное. Подмена содержания реального содержанием его симулякров – упрощений, лишенных той глубины, которая необходима для вмещения всей специфики данной вещи, обеспечивает бытие более простой вещи, которая некоторое время будет находиться в оболочке, бывшей некогда реальным.

Цельность последствий соблазна не вызывает сомнений, поскольку, заставляя подлинник и подобия сливаться, он приманивает, таким образом, в первую очередь смерть и рождает искусственность. "Соблазнять – значит умирать как реальность и рождаться в виде приманки. При этом попадают на собственную приманку – и попадают в зачарованный мир" [3, с. 131].

Чувственность, несомненно, является одним из наиболее наглядных выражений соблазна, поэтому соответствующие примеры мыслитель использует довольно часто. По Бодрийяру, имеет место не просто совместное сосуществование реального и его симулякров, порожденных соблазном, нет, он пишет о том, что, благодаря соблазну происходит слияние, вхождение образа в то, что дало ему возможность существования. Реальность, подобно Нарциссу, влюбляется в свое отражение, лишенное глубины смысла и этот образ овладевает им навсегда, ведя к неизбежной гибели. В бодрийяровой онтологии тяга вещей и порожденных ими знаков к слиянию приравнивается к инцесту и объясняется стремлением всей вселенной к умиранию: "сама смерть манит нас в инцесте и древнем как мир искушении инцестом, включая также кровосмесительное отношение, в которое мы вступаем с собственным образом. Наш образ оболъщает нас потому, что в кошунстве нашего существования утешает неминуемостью смерти. Инволюционное вхождение в свой образ до самой смерти утешает нас перед лицом необратимости факта нашего рождения и необходимости воспроизводить самих себя. Именно благодаря этой

чувственной, инцестуозной сделке со своим образом, двойником, смертью нашей, и обретаем мы нашу силу обольщения" [3, с. 131].

Шаблон каждого события симуляции определяется соблазном и у их объектов нет возможности изменить предназначение. Бодрийяр утверждает, что внутри соблазна как взаимодействия нет противоречия и принуждения: и образ, и его "подлинник" совместно стремятся к взаимопроникновению, влекомые иррациональной силой, сходной с волей богов в "Царе Эдипе" Софокла. Все предрешено, и обе стороны лишь исполняют свои роли в ритуале, не помышляя о противодействии, – они выполняют свою судьбу, помогая в этом друг другу: "как нет в обольщении активной и пассивной сторон, так же нет субъекта и объекта, внутреннего и внешнего: игра ведется сразу на обоих скатах, и нет границы, которая бы их разделяла" [3, с. 148]. Обе стороны не вольны – они подчинены Соблазну, их господину; он рок – одно из начал, которое управляет вселенной, принуждая совершать инцестуозное по своей природе извращение смысла во имя некоего представления, название которому – бытие. Поэтому Бодрийяр подчеркивает, что слияние образов с их "подлинниками" - это явление вторичное, оно определяется соблазном, а не наоборот: "В [выделено автором статьи с целью подчеркнуть стремление Бодрийяра сказать: "внутри процессов, вызванных соблазном" - А.К.] соблазне нет никакого господствующего субъекта, который направлял бы стратегию обольщения. Более того ... стратегия эта подчиняется превосходящему ее правилу игры. Соблазн, ритуальная драма по ту сторону закона, есть разом игра и судьба. Без нарушения правила – ибо связывает их именно правило – участники драмы увлекаются к своему неизбежному концу, и основополагающее обязательство здесь таково: игра должна продолжаться во что бы то ни стало, пусть даже ценой смерти. Игроков связывает с правилом, которое их связывает, род страсти, без которой никакая игра не была бы возможна" [3, с. 229].

Щедрость соблазна, создающего бесчисленное количество подобий вокруг каждого объекта симуляции, облегчает процесс "оборачивания". Во вселенной, описываемой Бодрийяром, видимость – это не статичное явление. Он утверждает, что вокруг вещи присутствует "круговращение знаков, модуляций, нюансов" этой вещи: "все это размывает концентрацию смысла, и соблазнительно именно это" [3, с. 105-106]. То есть, для соблазна чрезвычайно важно отсутствие идентичности вещи и ее видимости. У Бодрийяра последняя, несмот-

ря на то, что она порождена вещью, не только не полностью соответствует своему оригиналу, она даже и не однородна – в ней одновременно присутствуют различающиеся подобия одной и той же вещи и эти модуляции с бесчисленными отличающимися их нюансами, их постоянная циркуляция и взаимовлияние и есть "причина соблазна" [3, с. 105-106]. При этом, чем более обширным и сложным является дискурс (и, соответственно, имеющим больше знаков, участвующих в "круговращении видимости"), тем эффективнее идет процесс поглощения смысла. Ведь, "объект абсорбируется своей собственной силой сопротивления и своей собственной плотностью" [3, с. 225].

Эволюция подобий у Бодрийера представляет собой довольно сложный процесс чередования этапов обольщения. Как констатирует автор, в первую очередь дискурс сам себя обольщает. Эта изначальная форма позволяет ему абсорбироваться и опустошиться от своего смысла. Затем, к обольщению подключаются и другие дискурсы. Ведь, в онтологии Бодрийера "все видимости составляют заговор, чтобы дать бой смыслу, чтобы искоренить всякий смысл, преднамеренный или же нет, и обратить его в игру" [3, с. 107]. Круговорот симуляции бесконечен. На начальных фазах подобие отражает базисную реальность. Описывая эту стадию, Бодрийер отмечает, что отражение может быть и в кривом зеркале и, в любом случае, отражение передает "буквальность" объекта, а не его полное содержание [6, с. 176]. Впоследствии, подобие вначале маскирует и извращает базисную реальность, а затем – маскирует исчезновение базисной реальности. И, наконец, после этих этапов, при дальнейшей симуляции, подобие уже не несет никакой связи с какой бы то ни было реальностью. Оно является своим собственным чистым симулякром [8, с. 194]. Бодрийер полагает, что в лучшем случае можно найти лишь метафорическую корреляцию между подобиями и их оригиналом [6, с. 178].

Юмор бодрийеровской онтологии состоит в том, что описываемые подобия давно уже ничего не скрывают за собой – изначальное скорее всего уже не существует. Нельзя желать отбросить видимости. Нельзя допустить удачи подобной затеи, потому что тогда моментально обнаружится отсутствие истины – того реального, которое якобы окружают видимости [3, с. 115]. Подобия давно ничего не скрывают за собой – изначальное скорее всего уже не существует. Бодрийер пишет, что "все – артефакт, изолированные объекты вне своего референциального контекста, возведенные вертикальным фоном в чистые знаки" [3, с. 118]. Говоря о таком бытии,

невозможно не вспомнить о понятии "гистерезис", применяющемся для описания процессов, которые продолжаются по инерции, эффекта, который длится, когда то, что его породило уже исчезло [1, с. 193].

Ядро терминов онтологии Бодрийера составляют два понятия – "соблазн" и "симуляция". Имеет смысл остановиться на их связи. Мыслитель пишет, что "дискурс симуляции обыгрывает [то есть, им действует – А.К.] соблазн" [3, с. 306], так как только он предоставляет этому явлению возможность существования. Автор не разделяет их, иногда даже пишет через черту: "соблазн/симулякр" [3, с. 281], подразумевая, что соблазн и симуляция, конкретные единицы симуляции – симулякры невозможно представить отдельно. Сравнивая симуляцию с соблазном (который Бодрийер ассоциирует также и с "женским" в противовес "реальному", "рациональному", а поэтому беспомощному "мужскому") мыслитель пишет об их совпадении [3, с. 40].

Абсолютность соблазна безусловна. Его воздействию подвержено все, так как соблазн является одним из начал, определяющим порядок вещей в универсуме. Более того, этот рок переработал все вещи, сделав невозможным вести речь о реальности исполнения "божественного призвания обрести смысл". Все уже многократно пропущено через мясорубку соблазна и сделать из полученного фарша вновь нечто живое смыслом – это задача трудно представимая. Для Бодрийера вся вселенная – это "вселенная соблазна" [3, с. 250].

Божественное начало, судя из бодрийеровской онтологии, может быть всего лишь предметом воспоминания о мифологическом золотом мгновении реальности. Впрочем, мыслитель оставляет для Истины возможность осуществиться. По мнению Бодрийера, это может произойти лишь при крайне необычном стечении обстоятельств. "Смысл может рождаться и в простой игре хаоса и случайности" [3, с. 241] – пишет автор, подразумевая, что при том условии, что в одном месте вдруг окажутся все те необходимые тысячи элементов, которые должны содержаться в чем-то реальном, то, как у Гете, в этой смеси может зародиться, образно говоря, гомункул.

Вторичность тотальна. Такой порядок вещей во вселенной, по мысли Бодрийера, вызван тем, что "все ищет собственной смерти. Точнее, все старается размениться в обратимости, упраздниться в цикле... Лишь это соблазняет до глубины" [3, с. 96-97]. Единствен-

ная вещь, которая не была искажена, следуя этой логике, это То, Что Было Вначале. Все вещи, которые являются вторичными по отношению к первоначальной истине – из-за тотального регресса – все более и более опустошаются от своего исходного смысла, с каждым новым изменением. Все процессы, явления, любые взаимосвязи – это не более чем возможность работать соблазну, возможности дальнейшего искажения смысла. Как пишет Бодрийяр: "Все обольщение, и ничего, кроме обольщения. Нас хотели уверить, что все есть производство. Решительно все согласно тайному правилу видимостей работает на соблазн" [3, с. 152].

Гистерезис – одно из ключевых понятий Бодрийяра. В онтологии автора говорится о "повсеместно циркулирующем симулякре соблазна" [3, с. 301]. Там содержатся сведения о том, что соблазну подвластны даже формально не существующие уже вещи. Бодрийяр отмечает, что не обязательно вещи физически присутствовать для того, чтобы участвовать в соблазне, для этого достаточно лишь того, чтобы эта вещь играла роль в процессе коммуникации. То круговращение знаков, которое существует вокруг любой вещи, не исчезает после разрушения в физическом плане самой вещи. Знаки симулируют сами себя до бесконечности, порождая не поддающееся подсчету количество симулякров. "Обольщение неизбежно. Никто живой от него не ускользает – и даже мертвые, поскольку остаются их имена и память о них. По-настоящему мертвы они тогда только, когда до них не доносится больше из этого мира, чтобы соблазнить, никакое эхо, когда никакой ритуал уже не бросает им вызов доказать свое существование. Мы-то считаем мертвым того, кто уже совсем не может производить. На самом же деле мертв тот, кто уже совсем не хочет ни обольщать, ни быть обольщаемым. Но обольщение завладевает им вопреки всему" [3, с. 153].

Дисперсность соблазна объясняет тот факт, что, если подвести итог данным, содержащимся в бодрийяровом атласе пространства симуляции, можно вполне уверенно утверждать, что мыслитель упоминает там всё, что может быть выражено в знаках, всё, что имеет оригинал и образ. Так как "соблазну известно, что все знаки обратимы", то "всякому дискурсу угрожает эта внезапная обратимость или поглощение в собственных знаках, не оставляющее и следа смысла" [3, с. 26]. То есть, "тотальная симуляция" [3, с. 263] охватывает все пространство вселенной, как в физической, так и в духовной ее плоскости. Вся система мироздания – не что иное как гигантский симулякр, непрестанно изменяющийся в себе [8, с. 194]. Он всеобъемлющ и ничто не выходит за его рамки.

Единовременность всех отрезков прошлого, настоящего и будущего также является результатом деятельности соблазна. Трактовка времени Бодрийяром весьма своеобразна. Он пишет, что в спектакле, которым и является описываемое им бытие [ниже об этом пойдет речь более подробно – А.К.], путем синхронизации всех периодов, всех культур в одно подвижное движение, путем наложения их друг на друга в одной сценарии, время стирается.

Жертва, в которую приносит соблазн глубину, приводит к одномерному времени, лишенному многого. В спектакле нет настоящего, прошлого и будущего, вместо этого – непосредственная одновременность всех мест и периодов в безвременной (атемпоральной) виртуальности. Одновременно производятся все события: и прошлого, и настоящего и будущего [5, с. 8].

Запутанность отрезков времени во вселенной Бодрийяра не может быть преодолима. Автор рисует "мир нелепого, беспорядочного марша всех форм прошлого и настоящего, мозаичного повторения всех культур, включая будущее" [7, с. 32]. Здесь можно провести параллель с онтологией М. Хайдеггера, в которой также говорится об одновременном присутствии и наложении всех измерений времени [4, с. 92-93].

История описываемых явлений, по мнению мыслителя, извечна. Бодрийяр утверждает, что "симуляция всегда имела место" [8, с. 194], "соблазн существовал всегда" [3, с. 35]. Их знал и "мир греческих богов, который управляется отношениями взаимного обольщения" [3, с. 304], действует соблазн и сейчас. В произведениях мыслителя не были найдены автором статьи сведения о возможном прекращении этого процесса. Тем не менее Бодрийяр подчеркивает прогрессирующее симуляции.

Константа симуляции приводила к схожим результатам во все эпохи, поскольку размножение подобий зависит в первую очередь не от изменяемых, а от безусловных сил, таких как соблазн, который, будучи одним из двух действующих начал в универсуме - суть непреходящее явление, характер воздействия которого неизменен [3, с. 97]. Предпосылки для возникновения подобий были всегда, так как условия для этого очевидно не могут быть не соблюдены в принципе [6, с.175-177].

Ликвидация сходства с реальным, по Бодрийяру, в настоящее время достигла апогея своей тотальности. Как полагает автор, в данный исторический момент универсум существует во время такой фазы соблазна, в которой многократная переработка вселенной привела к небывалой ранее степени симуляции. Он пишет следующее. "Наш век - век соблазна. Но речь уже не идёт о той форме потенциально всепоглощаю-

щей страсти, о той угрозе полной абсорбции, от которой ничто реальное, ни один объект не застрахованы, о смертоносном отрыве, увлекающем всё и вся, - речь даже не идёт о совращении невинности и добродетели (для этого уже недостаточно ни нравственности, ни извращённости) - сегодня остаётся лишь оболъщение ради оболъщения" [3, с. 302].

Мешанина присутствующего не способна быть разделена на какие-то отдельные части. Существование соблазна привело к тому, что всё в универсуме перемешено и "истины не существует": "каждый отдельный знак связан с другим ... в бессмысленном течении церемониала, все знаки отдаются эхом и удваиваются в других, настолько же произвольных" [3, с. 240]. По мнению Бодрийяра, в стихии соблазна ни у чего нет автономии: ни у тела, ни у речи, ни у письма - ни у одной вещи.

Нереальное, таким образом, заполнило и подчинило себе буквально всё. Подводя итоги данной статьи, очевидно, можно сказать: то, что принято считать реальным, Бодрийяру представляется не более чем «грудой мёртвой материи, мёртвых тел, мёртвого языка - отложением осадков и отходов, в котором отсутствует смысл, реальное вообще есть упразднённая форма мира» [3, с. 93]; как такового реального уже нет. Бодрийяр так и пишет: «реальный мир, которого не существует» [3, с. 122]. Говоря о «церемониале» видимостей, который подменил собой реальность, Бодрийяр называет его представлением, спектаклем, который является единственно возможной формой бытия универсума. Нельзя сказать, что, по причине отсутствия в универсуме реального, вселенная пуста. Она заполнена призраками, которые, облачившись в костюмы, пытаются играть реальное - "изображаемым объектом в этом спектакле является реальность, причём преподносится её искусственный, упрощённый образ" [5, с. 8]. В представлении, по мнению Бодрийяра, участвует всё, что заполняет вселенную: "окружающий мир, который мы называем "реальным" на самом деле не так прост, ведь "реальность" - это на сцене поставленный мир, объективированный глубиной и её правилами, это ... не более чем симулякр" [3, с. 121]. В плоскости зрелищного никакие знаки смыслом уже не обладают, любой из них тратит свои силы на то, чтобы завораживать и околдовывать [2, с. 15]. В такой вселенной есть место только пастишу: ведь симулякр - это "дыра в реальности, ироническое преобразование" [3, с. 125]. Это насмешка над реальностью, в то же время лишённая сатирического подтекста: симулякры не стремятся кого-то высмеять, "просто, так выходит" - их ужимки, благодаря которым эти уродцы пытаются собезьянничать реальность, забавны и, в то же время, ужасны - ведь им ЭТО УДАЛОСЬ и уже ничего не поделаешь. Остаётся только

смотреть на всё с полуулыбкой античной статуи, осознавая то, что у тебя пустые глазницы.

Литература

1. Бодрийар Ж. Америка. Санкт-Петербург. 2000.
2. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург. 2000.
3. Бодрийар Ж. Соблазн. М. 2000.
4. Хайдеггер М. Время и бытие//Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге. М. 1991.
5. Baudrillard J. Disneyworld Company// Liberation, 1996.03.04.
6. Baudrillard J. La Photographie ou l'Écriture de La Lumière: L'Écriture de L'Image//L'Échange Impossible. Paris. 1999.
7. Baudrillard J. L'Illusion de la fin: ou Lagrevedes evenements. Paris. 1992.
8. Baudrillard J. The Evil Demon of Images and Precession of Simulacra// Postmodernism: A Reader. Ed. by Docherty T. New York. 1993.